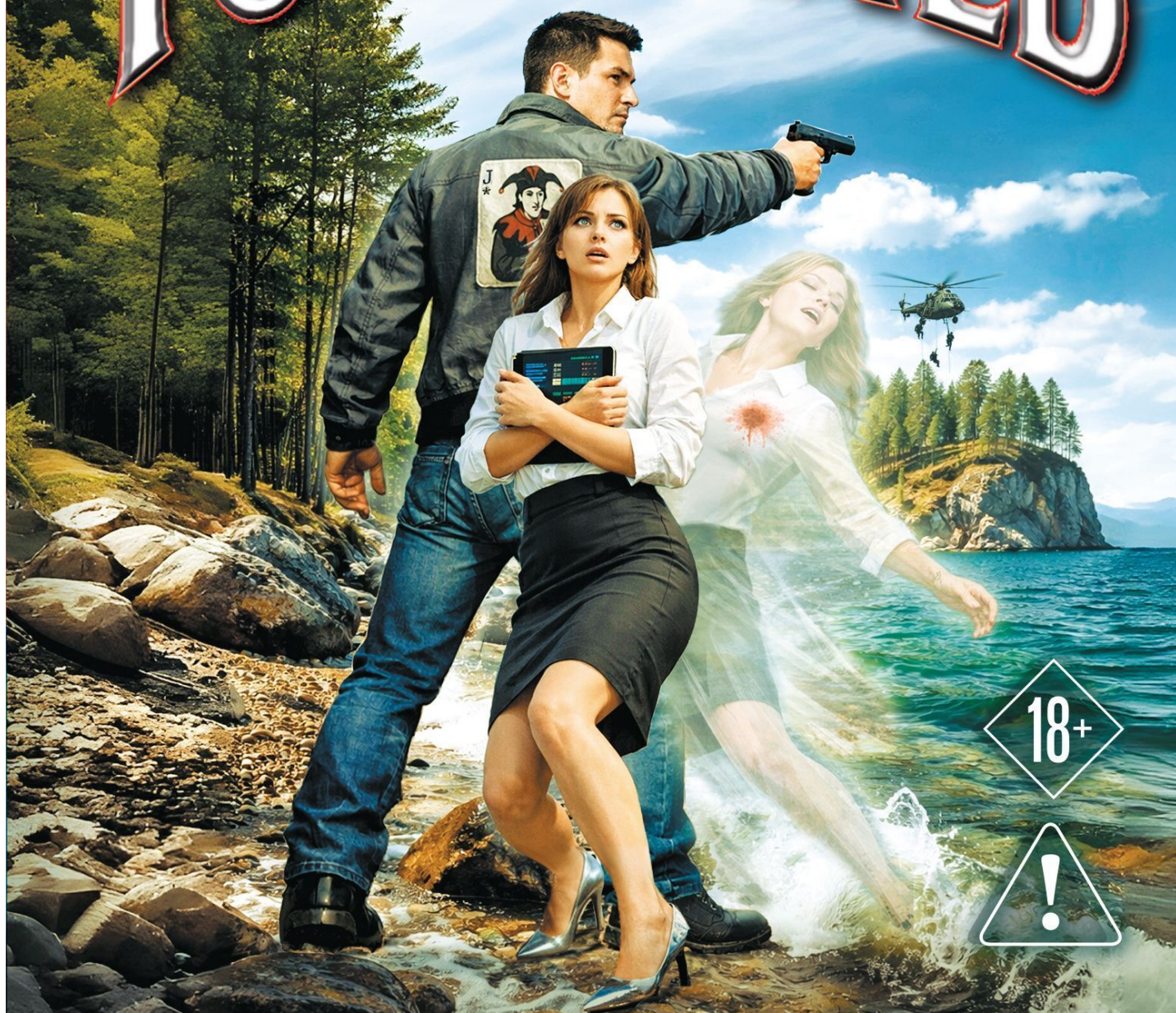

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

18+

!

АД: АГЕНТ ДЖОЖЕР

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН МАСТЕРА

Абсолютное оружие Василия Головачёва

Василий Головачев

АД: Агент Джокер

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

АД: Агент Джокер / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2026 — (Абсолютное оружие Василия Головачёва)

ISBN 978-5-04-247799-7

После тяжёлого ранения на фронте капитан Пахом Ровный возвращается домой, но мирная жизнь оборачивается кошмаром. Случайное столкновение с преступниками пробуждает в нём странную способность – кратковременно возвращаться в прошлое. Этот дар, названный хронодайвингом, мгновенно привлекает внимание спецслужб, которые предлагают Пахому опасную миссию под прикрытием. Его цель – разоблачить масштабную коррупционную схему в Сибири, где под прикрытием местных властей происходит хищение ресурсов. На месте он сталкивается с жестоким убийством коллеги-журналиста и встречает Анфису, которая ведёт своё расследование. Их сотрудничество перерастает в нечто большее, но каждый новый шаг приближает их к смертельной опасности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247799-7

© Головачев В. В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Василий Васильевич Головачёв

АД. Агент Джокер

© Головачёв В.В., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

За час до рассвета собрались в тесном блиндаже КП разведки центрального фронта: восемь разведчиков десантно-ударной группы «Бал» во главе с капитаном Пахомом Ровным. Таких рейдов вглубь территории противника группа совершила уже не один десяток и пока что не потеряла ни одного бойца, не считая двух раненых.

Капитану Ровному (оперативный псевдоним Джокер) исполнилось двадцать восемь лет. Это был профессионал диверсионной работы в тылу обороны украинских сборных сил, способный как карточный джокер решать любые задачи и неожиданно появляться в самом неожиданном для врага месте.

У Пахома было лицо снайпера, сосредоточенного на поражении цели, овальное лицо с твёрдым подбородком, узкие губы и прямой нос, широко разнесённые карие глаза, вспыхивающие иногда до медного блеска. Тёмные волосы были коротко подстрижены, оставляя прядку белых волос надо лбом, а приметные уши едва ли не с кисточками придавали лицу выражение готовой к прыжку рыси.

На фронт он ушёл добровольцем в две тысячи двадцать третьем году после гибели брата, а до этого девять лет служил в филиале Следственного комитета Перми, получив звание капитана. Он и на фронте, попав в сотую бригаду центрального управления, остался в том же звании, а так как в Следкоме командовал группой спецназа «Беркут», ему и на СВО поручили командовать десантно-ударной группой, специализировавшейся на проведении специальных операций за линией боевого соприкосновения.

На этот раз приказ поступил из штаба фронта группировки «Центр»: захватить в Часовом Яре французского инструктора полковника Шарля де Бройля, прибывшего на Украину для подготовки весеннего наступления. По докладом разведки генерал должен был встретиться с командиром роты «Бандера» капитаном Ляшко вечером первого апреля, чтобы обсудить план атаки в стык наступающим частям российской армии, а уже утром вторая рота должна была пойти в атаку. Уточнив расположение опорника роты – котельная стадиона «Авангард», комбат штурмовиков Виктор Поляков дал Пахому команду выступать, и группа двинулась к линии фронта, которой служила улица Спортивная.

Перед тем как отправить группу «Бал», Поляков отвёл Пахома в сторонку под защиту стены разрушенного здания горсовета.

– Вот что, капитан, – хмуро сказал он, доставая сигарету, но не закуривая; давно стало понятно, что беспилотники врага легко находят курцов в окопах и траншеях, и многие бойцы бросили курить. – Мне не нравится, что операция готовится впопыхах. Думаю, какому-то генералу захотелось выпендриться перед приездом министра обороны, и он решил взять «языка», не считаясь с обстановкой. А возражать, сам понимаешь, значит подписать себе приговор.

– Я понял, товарищ майор, – сказал Пахом. – Постараемся не разочаровать.

Укрывшись маскхалатами «болото», поглощающими тепловое излучение тел, группа дождалась начала подключения арты (чтобы скрыть выход группы, Поляков приказал начать артподготовку), выбралась из подвала КП разведки в районе горсовета, и восемь теней бесшумной струёй воды полились к стадиону. На всех были мультикамы «стрелец», ткань которых поглощала большую часть спектра и делала фигуры туманными, а шлемы костюмов имели многодиапазонные рации, датчики тепла, звуковые усилители и суперские забрала, на внутренние пластины которых выводилось изображение, передаваемое командиром группы или спутником.

До цели оставалось всего метров двести, когда проснулся мессенджер рации, связывающий бойцов меж собой в оперативном пространстве.

– Слева копуны! – доложил лейтенант Юра Бурносков, правая рука Пахома, глазастый и ушастый настолько, что ему дали псевдо Сова. Копунами бойцы называли источники шума, которые могли быть порождены противником.

Замерли, вслушиваясь в звуки канонады и всматриваясь в густую предрассветную темень убитого города. Над Часовым Яром висели тучи, и всполохи артиллерийских выстрелов и ракет освещали небо часто.

Пахом связался с КП.

– Впереди заслон! – доложили ему. – Обойдите справа, вдоль моста.

– Где объект?

– Ничего не изменилось, по данным БП-контр объект сидит в подвале котельной, но меня смущает одно обстоятельство. – Поляков помолчал. – Наши гляделки не видят охраны. А такого важняка, да ещё и француза, должны охранять не хуже чем нашу гламурную тусовку.

– Понял, проверим.

Пахом условным постукиванием пальца по мембране микрофона рации послал группу в обход переулка.

Дошли до забора, окружавшего стадион. Он был давно разрушен, часть сидений сгорела, но котельная за амфитеатром центрального поля уцелела, хотя в окружении рухнувших пристроек казалась такой же мёртвой.

Группа превратилась в текучий трезубец перехвата цели. Но всё пока было тихо, в том смысле, что канонада продолжалась, и никто не обнаружил группу, скользящую вдоль остовов домов и груд обломков.

Стена котельной выросла впереди зубчатой глыбой, зияющей чёрными провалами окон.

Пахом включил рацию.

– Заходим!

– Над вами висит бэпешка! – сказал Поляков.

– Сможете отвлечь?

– Подождите пару минут.

Подождали вдвое больше. В небе послышался тихий стрёкот, что-то взвизгнуло, к земле полетел чёрный крестик.

– Готово! – прилетел голос комбата. – Вашего сигнала будут ждать две БМП и штурма.

– Я дам сигнал.

Пахом, превратившийся в мгновенно реагирующий на изменение обстановки боевой механизм, первым шмыгнул в проём выбитой двери.

Котельная была небольшая, предназначенная обогревать спортзалы и освещать стадион. В зеленовато-жёлтом поле зрения инфраочков были видны груды мусора, трубы и обломков интерьера, а пахло здесь горелым деревом, углём, пластиком и мокрым бетоном. С виду в зале никто не был с момента начала освобождения города, но опытные десантники уже увидели сверкнувшие в инфраочках паутинки растяжек, а также определили места установки взрывчатки. Стало ясно, что никаких «французских инструкторов» здесь не было и в помине, а группе устроили банальную ловушку.

Но ведь разведка, посетила Пахома нехорошая мысль, должна была определить масштабы ловушки? Неужели никто из асов-дронобоев не заметил подготовки?!

– Снять растяжки! Проверить подвал!

Бойцы метнулись обследовать и разминировать котельную, тщательно проверяя каждый подозрительный камень или обломок. Всего было обнаружено четыре растяжки с гранатами и на потолке над приборным шкафом дуга специального боеприпаса британского производства. В подвале тоже пряталась закладка заводского изготовления (польский «брашув») с пятнадцатью килограммами тротила, и если бы она взорвалась, вся котельная рухнула бы. К счастью,

подрывник группы Костя Панов по кличке Финн быстро отсоединил радиовзрыватель, исключив тем самым команду на подрыв. Однако этого оказалось мало.

Артиллерия с обеих сторон прекратила огонь с рассветом, российская даже чуть раньше.

Пахом связался с КП:

– Через десять минут выходим обратно, поддержите артой!

– Объект? – спросил комбат.

– Ложная цель, здесь никого, котельная подготовлена к взрыву.

Поляков помолчал, переваривая новость.

– С-сука, я так и знал! Уходите!

– Проверьте небо!

Ждать пришлось пять минут.

– С юго-запада к вам движется дронаоблако! Отходите другим путём, через железку!

– Понял!

Группа выбралась наружу, и в этот момент с трёх сторон на неё обрушился пулемётный огонь, раздались взрывы гранат.

Ответили залпом, залегли.

– Назад!

Заскочили обратно.

– Круг, пробивай стенку на север!

Гранатомётчик группы по кличке Круг, тащивший автоматический гранатомёт РПГ-50, выстрелил по дальней стенке зала.

– Всем уходить! Я прикрою!

– Командир! – взвыл Юра Бурносов.

– Это приказ! Выполнять! Я догону за железкой! Тверь – ствол!

Пахом отобрал у Максима Тверского крупнокалиберный «Корд» и метнулся к окну.

– Погнали!

Бойцы исчезли в дымящейся дыре.

Заметив возникшие на фиолетовом фоне очков зеленоватые цветочки, Пахом дал очередь.

Загрохотало со всех сторон.

– Выдвигаемся к вам! – прилетел в наушник голос комбата.

– Парни пошли за железку, прикрываю!

– Чёрт! – выругался Поляков. – Не геройствуй, давай со всеми!

Пахом дал ещё одну очередь.

За спиной вдруг лопнул огненный шар. Подхваченный взрывной волной капитан взлетел в воздух.

«Бомба!» – мимолётно подумал он, и это была его последняя мысль. Спину словно ошпарило кипятком, в затылок вонзилась невероятно острая игла, и он потерял сознание ещё до того, как его вынесло наружу...

Глава 2

В себя он пришёл только к концу дня в Брянском госпитале № 2, куда его доставили из Часова Яра после столкновения с засадой. Бойцы группы, услышав взрыв, вернулись к котельной за командиром на БТР-24, успели дойти до стадиона и вытащить капитана, получившего три осколка в спину и один в затылок. Осколок длиной в пять сантиметров и толщиной в два пробил шлем и вошёл в голову аж на три сантиметра, однако Пахом остался жив. Даже в коме провалялся всего часов пять.

Зато на третий день лечения ему стали по ночам сниться странные сны, объяснить которые не смог даже лечащий врач госпиталя Миронов, которому Пахом пожаловался на «галлюники».

– Ничего страшного, – успокоил восьмидесятилетний старик пациента, – иголка не затронула область десять, жить будешь.

– Что такое область десять?

– Часть префронтальной коры, отвечающая за память, планирование и абстрактное мышление. Хотя после таких ранений возможны любые психические реминисценции, а ты даже разговариваешь.

Последние слова очевидно были шуткой в устах врача.

– И что ты видишь?

– Бегу голый...

– Голый?

– Чаще всего, – смутился Пахом. – Никогда не занимался бегом, я больше по стрелковой подготовке спец и рукопашке. В общем бегу, за мной погоня ломится, и вдруг я оказываюсь сзади и догоняю их.

Миронов с любопытством оглядел тёмное похудевшее лицо капитана с запавшими глазами.

– Это интересно. И всё?

– Нет, я их догоняю... и просыпаюсь.

– Сколько их было?

– Трое... пятеро... по-разному. Чаще трое.

– А ещё?

– Ну, еду на бээмпешке... впереди танк, пушка на меня наведена... и вдруг я уже сзади танка!

Врач снял белую шапочку, почесал лысину, надел.

– Пожалуй, надо будет проконсультироваться кое с кем.

Пахом понял, что признался в «галлюниках» напрасно.

Кроме упомянутых видений он помнил ещё несколько, в том числе совсем уж необычные.

Вот он в лесу, идёт в разведку, вооружённый автоматом, вдруг треск, оглаживается – а на него смотрит дуло чужого автомата и в руках какого-то маскхалата. В следующее мгновение он отшатывается и оказывается там, где был несколько секунд назад! Причём – за спиной пригнувшегося человека в маскхалате, несущего автомат. Сон кончился, что было потом, осталось тайной, но ведь он это помнил?

– Да ничего страшного, просто перепсиховал.

– Ладно, расскажешь главврачу при обходе. Вот тебе подарок. – Миронов протянул металлический коготь длиной около семи сантиметров и толщиной два в центре. – Вытащили у тебя из черепа. Удивительно, что вот это расширение закупорило дырку в кости и не дало крови вылиться.

Пахом с интересом повертел в пальцах осколок, ощутив его холодную твёрдость.

– Тяжёлый...

– Но тебя он пожалел. Да и шлем помог, ослабил удар. Так что живи и радуйся, капитан. – Миронов похлопал Пахома по руке и вышел.

– Живу... – пробормотал он, разглядывая зазубрину от бомбы, сброшенной на котельную и почему-то не убившей его.

В течение последующих трёх дней он усиленно восстанавливался, с каждым днём ощущая прилив сил, и почти перестал видеть «галлюцинации». Хотя одна из них запомнилась детализацией и ощущением реальности.

Обычно раз в год он приезжал домой в Пермь в начале августа на побывку и заранее договаривался с бывшими одноклассниками о встрече на квартире у Валентины Симоновой. Закончив школу, она осталась в Перми, вышла замуж за Лёшку Балагурова, и они построили себе дом на хуторе Лесной Угол, который продвинутые дети пары называли Лесной Гугл. Дом был двухэтажный, просторный, в нём спокойно размещались больше тридцати человек, во дворе стояла банька, рядом вкопана в землю половина железнодорожной цистерны, используемая в качестве бассейна, и радости эти встречи для всех бывших однокашников доставляли немало.

Пахому же приснился сон, что он вознамерился зачем-то пойти на хутор пешком, да ещё поздним вечером, но никак не мог выбраться из города, плутая по узким тёмным улочкам. В какой-то момент на него внезапно кинулись плохо видимые в сумраке четыре тени, крича на каком-то обезьяньем языке и размахивая ножами, и от неожиданности Пахом отпрыгнул, спасаясь от выпада.

Но это был странный прыжок – через мгновение тишины и полного мрака, и оказался он не в полуметре от бандитов (мигранты! – мелькнула мысль), а в метрах десяти от них! Причём с ощущением, будто до этой мерзкой стаи он ещё просто не дошёл. Вторая мысль подсказала правильное решение. Пахом, конечно же, мог легко справиться с джигитами из бывших южных республик Советского Союза, но, смущённый своим «телепатическим перелётом», поступил иначе.

– Полиция! – рявкнул он. – Всем оставаться на местах!

Тени бросились врассыпную... и сон кончился. А сам Пахом ещё несколько минут тихо млел на койке, вслушиваясь в храп соседа, также раненого в голову, и размышляя о своих недобрых видениях.

Впрочем ему хватило ума больше врачу не рассказывать о галлюцинациях, и возбудившиеся было психиатры госпиталя от него отстали.

Седьмого апреля с него сняли бинты. Впервые увидев себя наголо обритым, Пахом озадаченно ощупал голову, подумав: мама не узнает! – потом нашёл в облике некую геометрическую завершенность и расслабился. Несмотря на запавшие щёки и заострившиеся черты лица, уродом он не выглядел. Могло быть и хуже. Полюбовавшись на осколок, пробивший голову, спрятал его в карман халата. Теперь он носил его постоянно как талисман.

Девятого апреля его выписали.

Из части в госпиталь прибыли Юра Бурносов, худой, гибкий, как куница, и Макс Тверской, в противоположность лейтенанту обладавший мощной статью, и они помогли бывшему командиру отправиться из Брянска на малую родину, в Пермь.

– Ты там не расслабляйся, командир, – сказал Юра при расставании на перроне. – В Перми что-то неладное происходит.

Пахом прищурился в сомнении, разглядывая подвижное лицо лейтенанта цвета оливок, крупногубое, скуластое, редко выглядевшее печальным. Бурносов часто шутил, любил прихвастнуть, разыграть товарища, иногда мог не сдержать матерное словцо. Однако на него все-

гда можно было положиться, поэтому он стал не просто подчинённым командиру УДГ, но и его другом. В данный же момент он не шутил.

– Что ты имеешь в виду?

– Читал в «Дзене», что тамошние власти очень расположены к мигрантам.

Пахом сдвинул брови, вспомнив свой сон.

– Ну и что?

– Раздают жилищные сертификаты мигрантам направо и налево, а участника СВО вышвыривают на улицу.

– Да ладно!

– Честно, своими глазами читал. Выселяют не кого-нибудь, а капитана полиции, двадцать лет прослужившего в МВД! Якобы он незаконно владеет служебной квартирой. При этом какому-то Алишеру вручают сертификат, вот мы какие толерантные!

– Пусть этими делами соответствующие инстанции разбираются.

– Да я понимаю, так ведь жалко человека. А ты скорее поправляйся и обратно к нам.

– Я вернусь.

– Не спеши. – Бурносков понизил голос. – Командир, а кто нас сдал в Часовом Яре? Ведь засаду сделали не с бухты-баракты? Это целая операция была?

Досада в душе понизила настроение, он и сам считал, что без злого умысла не обошлось, но искать виновных не собирался.

– Разберутся.

Обнялись, и Пахом зашёл в вагон, ощутив, как сжимается сердце. Увидимся ли ещё раз? – пришла вдруг печальная мысль.

Глава 3

Родители не ожидали встретить сына так скоро. Для них он находился на фронте и собирался приехать только летом, в конце июля. Радости мамы Пахома Ларисы Степановны, которой исполнилось шестьдесят лет, не было предела. Да и отец, семидесятилетний Игнат Селиверстович, не скрывал любви к младшему сыну, которому привил многие мужские качества, такие как верность долгу и твёрдость в выполнении обещаний.

Вечером девятого апреля семья собралась в скромной квартирке бывшего спасателя МЧС. К ним присоединился брат Кузьмы Игнатовича Иван с женой Марусей, сорокалетний брат Пахома Феофан, работающий мастером на заводе резинотехнических изделий, тоже с женой Леонсией, и двое однокашников Пахома Пётр Ладыжников и Кирилл Золотарёв. Оба после окончания школы в Перми закончили местный институт речного транспорта и остались на малой родине. Оба были женаты на молодых жительницах города, которые в данный момент родили сыновей и остались дома.

Выпили за встречу, за друзей, за победу в СВО, расслабились, и гости потребовали Пахома рассказать о военной жизни. Пришлось поделиться воспоминаниями, упустив некоторые подробности встреч с противником. Больше всего вопросов о подвигах капитана было у женской половины компании, тем более что повязку с головы Пахому снять не разрешили, и выглядел он импозантно. Все три женщины норовили проверить, какой величины была рана, и Пахом показал им осколок бомбы, оставившей в кости затылка след.

– На гранату не похоже, – заметил худой и вихрастый, как школьник, дядя Иван, повертев в руках осколок; он тоже воевал, получил ранение в две тысячи двадцать пятом и был комиссован.

– УБМПК, – сказал Пахом.

– Я знаю, пятисоткилограммовая бомба с модулем планирования и коррекции! – воскликнул Петя Ладыжников, с которым Пахом когда-то играл в баскетбол за школьную команду. – ФАБ называется.

Пахом кивнул.

– ФАБы бывают и тонные, и даже трёхтонные. По нам же лупанули самой маленькой, двухсотпятидесяткой.

Пётр работал на пермском химкомбинате, выполняющем заказы оборонки, слыл хорошим специалистом, и на войну его не пустили.

Точно так же не был на фронте и Кирилл, вечно чем-то болеющий. В отличие от долгоязого Петра он был толст, приземист, рыхл, но обладал добрым нравом и со всеми дружил.

– Где тебя ранили? – полюбопытствовала жена Феофана Леонсия, полная женщина с короткими волосами. – Ведь это из-за раны тебя отпустили домой?

– В Часовом Яре наткнулись на засаду, – вырвалось у Пахома, о чём он тут же пожалел, видя, как оживились слушатели. – Пришлось бежать назад сломя голову.

– Хорошо, что добежал! – фыркнул дядя Ваня. – Ты вроде бы до этого в засады не попадал.

– Так получилось.

– Предали? – предположил Кирилл. – Я читал, что на фронте много плохого происходит, но чтобы такое...

– Были и настоящие предатели, выпущенные из тюрем, которые себе на уме, но такие быстро превращаются в людей или внезапно гибнут.

– А с бандитами приходилось встречаться? Я имею в виду самых злобных, бандеровцев.

– Не часто, – соврал Пахом. – У меня в подчинении есть парнишка Юра, лейтенант, двадцать три года, классный снайпер, так вот его мечта, чтобы убийцы и мучители на Украине перед смертью испытывали ту же боль, что переживали их жертвы.

– Да, для нацистов смерти мало! – покивал седой головой дядя Иван. – Их надо казнить долго-долго, за каждого убитого ими человека! Только это не поможет, не подействует на других таких же упырей.

– Расскажи, как ты с ними воевал! – загорелся Пётр.

– Ой, лучше не надо! – взмолилась Леонсия. – Давайте о чём-нибудь хорошем!

– Ладно, похвастайся медалями.

Пахом поёрзал на стуле, отец сорвался с места и принёс парадный китель Пахома, на котором светились пять орденов, в том числе орден Славы, и медаль «За отвагу».

Гости зашевелились, вставая, чтобы получше разглядеть ордена.

– Ничо иконостас! – восторженно проговорил Кирилл. – Похвастаюсь, что у меня друг военный герой!

– Не надо, – пробормотал Пахом.

Старший Ровный унёс китель.

– Кто тебе вручал орден Славы?

– Командующий армиями группировки «Север».

– А с беспилотниками у вас как? Говорили – не хватает.

– Сейчас очень много, что у нас, что у укропов. Летают стаями и бегают табунами.

По комнате разбежались смешки, весёлые возгласы и шутки.

– Как табунами? – удивилась Лариса Степановна. – Табунами кони ходят.

– Появились и наземные беспилотные машины, в основном для переноски боеприпасов и вывоза раненых. Но уже созданы разведчики величиной с кошку, и даже истребители танков...

– Терминаторы! – важно вставил слово Кирилл.

– ...и бегающие мины-камикадзе, – закончил Пахом.

Какое-то время гости оживлённо обсуждали тему, а Пахом наконец мог полакомиться маминым яблочным пирогом. Потом поговорили о дронах с оптоволоконным управлением, о боях российских беспилотников с украинскими, и тема незаметно сошла на нет, перешла в другую область «экспертных» оценок. Пахом невольно подумал, что на таких встречах самыми непогрешимыми знатоками всегда считают себя те, кто мало разбирается в предмете разговора. Но спорить с ними не стоило, а уж в семейном кругу тем более.

Жена Феофана первая заговорила о вечной теме блогеров – кто сколько зарабатывает, и почему на таких ведутся хорошие люди, ей ответили младшие мужчины, обвинившие сам народ за желания верить идиотам из Сети, им возразили старшие, сошлись на формуле отца Пахома, что блогерство есть искусство открыто презирать людей, и спор затянулся до тех пор, пока не спросили мнение у Пахома.

– А что тут обсуждать? – сказал он спокойно. – Меня воспитывали всему добиваться успеха с помощью труда, а не мечтать получать бабло ничего для этого не предпринимая. Хочешь стать богатым? Флаг в руки, иди работай, заведи бизнес, подавайся в науку, а не торчи у экрана годами напролёт. Мой наставник по военной психологии полковник Савченко говорил: цивилизация обречена, если мы не научимся правильно воспитывать в первую очередь себя, во вторую наших детей.

– Ну, это и я могу привести примеры, из-за чего мы выйдем, – фыркнул брат Пахома. – А мы точно выйдем, если не сломаем существующую концепцию порождения миллионеров с одной стороны, нищих юзеров – с другой. Где это видано, чтобы футболист получал зарплату в тысячу раз больше учёного?

– Потому что они на этом зарабатывают! – сказал Кирилл.

– Это правда, – кивнул дядя Ваня.

– Кое-что меняется, – возразил Пахом. – Русская Община появилась, борется с мигрантами в первых рядах, да и в армии многое поменялось.

– Вы видели, как они одеваются? – спросил Петя, заговорив о своём. – Это же попугай пополам с павлином! А какие придамбасы носят «элитные» мадам? Читал в «Комсомолке», что одна инфоцыганка вышла в свет с сумочкой по цене квартиры! А волонтеры собирают на фронт вещи для бойцов, даже коптеры покупают! Это куда дальше?!

– Я сама не против поносить такую сумочку, – засмеялась Леонсия. – Не всё же гламурным звёздам носить.

Снова по комнате рассыпались весёлые голоса друзей и родственников, доставляющие искреннюю радость Пахому. Давно он не испытывал такого приятного единения с людьми, ради которых и воевал с нацистами.

– А ты как относишься к звёздам тусовок? – обратился к Пахому Кирилл.

– В общем-то никак, – сказал капитан. – Я не смотрю ТВ, не брожу по интернету и не хожу в театры. Книжки изредка читаю.

– Война не даёт?

– Он по жизни такой, – засмеялся Феофан. В отличие от атлетически сложенного брата он выглядел сублильным мужичком сорока лет, хотя в школе это когда-то был первый лыжник.

– А что читаешь?

– Да разное, Иванова «Вечный зов», а недавно прочитал хорошего современного писателя Юрия Полякова.

– Не читал.

– Рекомендую. Так вот, он писал о Пушкине и спросил: вы слышали хоть что-нибудь о звёздах гламурных тусовок времён Пушкина? Ему ответили: нет. Он засмеялся: а они были, и где теперь? А между тем Пушкин уже двести лет пользуется спросом и живёт в душах людей.

Леонсия захлопала в ладоши.

– Круто сказал!

– А ты надолго к нам? – спросил Кирилл.

– Пусть вылечится, – сдвинула брови Лариса Степановна. – Может, его вообще комиссуют.

– Есть такая угроза, – согласился Пахом с невольным вздохом. Стать военным пенсионером в двадцать восемь лет не хотелось.

– Ну и ладно, работу мы тебе найдём, – сказал Феофан. – На нашем заводе людей жутко не хватает. Айтишников, юристов и адвокатов хватает, а инженеров, врачей, медсестёр, учителей днём с огнём не сыщешь. А у нас, между прочим, платят до стольника!

– Не спеши, Фаня, – засмеялся Игнат Селиверстович. – Давайте сегодня не будем давать себе зарок и обещания. Человеку полагается реабилитация, а с такой раной это не меньше месяца.

Пахом рассчитывал, конечно, отдохнуть, но не месяц, что в нынешние времена казалось несбыточной мечтой, однако спорить не стал.

– Поживём – увидим.

В девять часов начали расходиться по домам.

Феофан с женой жили в другой части города под названием Новые Ляды, поэтому вызвали такси.

Кирилл и Пётр обитали практически через дом от пятиэтажки Ровных, что и позволило всем троим ходить в одну школу. Оба распрощались и пообещали помочь в любой момент, если понадобится. Решили через пару дней собраться на квартире Петра.

Дядя Ваня с женой, благодаря хорошей погоде, захотели пройтись, хотя жили неблизко, и Пахом решил их проводить.

Вечер девятого апреля в Перми выдался тёплым, температура воздуха чуть опустилась по сравнению с дневной, но не намного – до плюс семнадцати градусов, но климат Предуралья всегда отличался быстрым изменением погоды, и жители города, в котором родились и жили многие знаменитые персоны, такие как писатели Бажов и Мамин-Сибиряк, актёр Георгий Бурков и другие, до середины мая не снимали курточки. Пахом тоже надел курточку, которая ждала его в семейном шкафу с прошлого года. Приехал он в полевой форме с капитанскими погонами, имея на руках удостоверение офицера подразделения «Z» Сил специальных операций Главного разведывательного управления России, но этим документом он никогда не пользовался на гражданке, хватало формы, чтобы люди с уважением смотрели ему вслед.

Проводив брата отца с женой Марусей, Пахом в задумчивости свернул к саду имени Минковского, располагавшемуся между остановкой «Улица Советской Армии» и «Улица Чайковского», и уже в центре, слабо освещённом всего одним фонарём, неожиданно столкнулся с хлопцами, копошавшимися у современной деревянной лавочки без спинки, окрашенной в сиреневый цвет. Двое что-то делали над скамейкой, третий вывернулся из-за кустов сзади и свистнул.

Двое разогнулись: одетые в серое, чёрное, красное, не то плащи, не то комбинезоны, не то пальто, все бородатые, с вязаными балаклавами на головах, – и Пахом увидел, что на лавочке лежит человек. Двое бородачей его обыскивали.

«Расслабился, чёрт тебя возьми!» – мелькнула осуждающая мысль. Решил, раз в глубинке России не стреляют, то можно и не опасаться угроз? Какого дьявола тебе захотелось погулять по парку? Напрочь мозги отключил?!

Он очнулся и сделал шаг вперёд.

– Вы что тут делаете?! А ну в стороны!

Это не произвело на парней никакого впечатления.

– Иди своей дорогой, ранетый! – с акцентом проговорил тот, что выглядел постарше. – А то всего перебинтуем!

Пахом хотел было отогнать обыскивателей от скамьи с лежащим на ней человеком и по взгляду третьего члена шайки вдруг сообразил, что сзади из кустов на него смотрит вооружённый бандит. Что он вооружён, можно было не сомневаться, организм давно научился распознавать реальность и конкретику угрозы и действовать в нужном темпе.

В обычном состоянии Пахом просто развернул бы приёмы самозащиты, отработанные сотнями тренировок и конфликтных ситуаций. То есть, получив подсказку подсознания, сошёл бы с вектора «враг – спина», крутанул бы волчок разворота, нанёс бы удар ногой тому, кто появился сзади, либо прыгнул бы к нему белкой, не давая возможности выстрелить. Но случилось непредвиденное.

Голову и всё тело пробила навывлет судорога, больше всего напоминающая вдох нашатыря, и он оказался в паре десятков метров от скамьи и троих (нет, уже четверых) молодых бородачей, явно занимавшихся грабежом.

Так как произошло это в момент полной концентрации воли и сил организма, мозг работал со скоростью компьютера, на оценку ситуации потребовалось не больше десятых долей секунды, и Пахом сообразил, что с ним произошло одно из событий, которые снились ему в странных снах: какая-то сила перенесла его на полминуты назад, и он оказался недалеко от бандитов, которые до этого оглушили гуляющего по парку и обыскивали его карманы. В данный момент они ещё не видели нового посетителя сада, он до них ещё не дошёл. Двое шмонали лежащего, двое прятались в кустах по обе стороны аллеи. Если бы Пахом сразу отреагировал на свой «телепатический» прыжок, он, возможно, успел бы опередить бандитов ещё до того, как они напали на прохожего. Однако сообразить-то он сообразил, но чуть замешкался и побежал к грабителям почти в тот же миг, что и в первый раз.

Мужчина в жёлтой курточке лежал, шевеля руками и ногами как раздавленный таракан, его обыскивали, один из сторожей виднелся за шеренгой кустарника, второго не было видно.

Его заметили.

Первый сторож свистнул, выскакивая на плиточную дорожку, его напарник мелькнул правее, в руке сверкнул ствол пистолета. Скакать зайцем, качая маятник, не хотелось, прострел «нашатыря» оставил в затылке боль, зато вспыхнувшая злость подсказала вариант действий. Пахом напрягся до красной пелены в глазах и получил ещё один всплеск «нашатыря», пробивший голову и обостривший все чувства. Миг обострения очистил нейросоматику, и капитан снова оказался в парке метрах в тридцати от грабителей. Анализировать случившееся было недосуг, в ушах свистнул ветерок, и он, добежав до беседки, первым делом настиг бородача, который баловался с пистолетом.

Прав был Юра, мимолётно подумал Пахом, говоря о разросшемся в Перми криминале. Ещё два года назад южане так свободно по городу не шарили, а уж о нападении на прогуливающих по аллеям паркам жителей речь вовсе не шла. Вспомнился и сон, в котором на него напали мигранты, словно баба Ванга наколдовала, потому что парни в куртках-халатах, наверно, тоже были с южных границ Союза.

Не обращая внимания на усиливающуюся боль в голове, особенно в затылке, пробитом осколком бомбы, Пахом рванул вперёд, выбирая цель.

Первым он обезвредил бородача с пистолетом (старенький «Макаров» прошлого века, опасный во всех странах мира). Широколицый мужичок лет тридцати (таджик, судя по всем «южным» приметам) только ойкнул, получив удар по руке, и уже молча вонзился в ствол берёзки за мусорной тумбой.

Как раз в этот момент первый таджик «на стрёме» с испугом выскочил на дорожку, в руках нож, заметил, как его приятель кувыркнулся в кусты, и с криком «наших бьют!» метнулся прочь, вместо того чтобы помочь напарнику.

Двое щупачей как по команде отскочили от скамьи, ошеломлённые появлением противника, и Пахом с шумом кинулся к ним, крикнув:

– Стоять! Руки за голову!

Ни того ни другого они делать не стали, развернулись и помчались вслед за сторожами, топоча ботинками, как солдаты на плацу. Догонять их Пахом не стал.

– Ми вас рэзать будим! – донеслось с улицы.

Пахом приостановился, жалея, что не стал догонять бандитов, чтобы как следует навалить.

Подбежав к лежащему на скамье мужчине лет пятидесяти, на лбу которого виднелась ссадина, он помог ему подняться.

– Вы ранены?

– Долбанули чем-то по голове! – поморщился мужчина; у него были примечательные волосы, не седые, а пепельного цвета. Он пошарил по карманам, ничего не обнаружил, на глаза навернулись слёзы.

– Вот же гады, карты забрали... банковскую и медицинскую... как у себя дома...

– В том-то и дело, дружище, что у себя дома они так себя не ведут.

– Вижу, и вам досталось? – Мужчина кивнул на забинтованную голову Пахома.

– Это подарок с фронта, – улыбнулся капитан. – Давайте я проведу вас до дома.

– А провожать не надо, я тут всего в ста метрах живу, вышел покурить, дурак.

– Это ещё раз подтверждает мнение врачей, что курение вредит здоровью.

Улыбнувшись, незнакомец пожал ему руку и ушёл.

Пахом проводил его неназойливо до подъезда, держась в десяти шагах позади, никого подозрительного не заметил и вернулся в сад – пытаюсь справиться с головной болью и обмо-

говать своё новое умение возвращаться назад в своё же тело, но на полминуты или на минуту назад.

Глава 4

Одиннадцатого апреля в Иркутске был убит журналист Олег Леонтьев сорока шести лет от роду, прославившийся своими журнальными расследованиями местных криминальных деяний. Несколько лет элита Сибири терпела его наезды, по большей части справедливые, но вот терпение кончилось, и Леонтьева нашли утром на территории бывшей деревообрабатывающей фабрики.

По данным следствия, в четыре часа утра журналист возвращался из Нижнеангарска, сошёл с самолёта местных линий, сел в такси и уехал. Куда – выяснить удалось лишь после его смерти. Обнаружили его работники аэропорта ближе к семи часам утра между штабелями полусгнивших древесных стволов на берегу реки. Под рухнувшей грудой стволов и было обнаружено тело Леонтьева.

Сначала инцидентом занялась полиция, потом материалы следствия были переданы Следственному комитету Иркутска, и оттуда оно ушло почему-то не в столичный Следком, а вернулось в филиал ФСБ Иркутска и скрылось под грифом «совсекретно» от прежних следственных органов.

Так как подобных случаев прежде в Иркутске не наблюдалось, следователи СК, ведущие процесс, доложили начальнику о странных обстоятельствах по делу, и начальник иркутского Следкома генерал Королёв решил разобраться в подоплёке происшествия лично. Были подняты все прежние расследования Леонтьева, все отписки полиции по большинству из них и факты угроз в адрес журналиста, продолжающего копать криминальное болото юга Байкала. В расследованиях Леонтьева чаще всего мелькали чиновные господа всех уровней, связанные с использованием вод озера и строительством на его берегах кластеров отдыха и дач, поэтому Королёв не стал информировать губернатора и засекретил участие СК в новом расследовании. Он давно явно и неявно боролся с мздоимцами области, пытавшимися любыми способами продать сокровище страны Байкал китайцам, но посадить их в тюрьму пока удавалось редко, да и то лишь простых шестёрок, которые по сути являлись «стрелочниками», не знающими, на кого работают. Слишком уж большие погоны в Москве и области сопротивлялись этому, а ещё больше – местные олигархи, заинтересованные в грабеже России и готовые пойти на любые преступления.

Совещание руководителей СК экспресс-звена, отвечающих за расследование наиболее важных проблем, состоялось четырнадцатого апреля не в главной квартире Комитета на улице Подсосенской, а в офисе военного делопроизводства по улице Бейшаналиева. В четырнадцать ноль-ноль в комнате отдела экспертной оценки собрались шесть руководителей подразделений, в том числе директор СК и полковник Михайлов, руководивший отделом технической и оперативной подготовки спецназа Комитета.

Королёв ещё утром ознакомился с материалом по делу убийства журналиста, но попросил командира подразделения ВИП-сыскарей полковника Каюмова ещё раз доложить о подробностях инцидента.

Шестидесятилетний Николай Платонович Каюмов сам являлся опытным следователем, проработав в СК двадцать восемь лет от лейтенанта до начальника отдела, и не упускал случая, когда надо было дать по рукам коррупционерам. Он повторил историю деятельности погибшего, вопросительно посмотрел на каменнолицего директора, отсутствием переживаемых эмоций напоминающего скульптуру.

– Всё поняли? – Королёв оглядел внимательные лица подчинённых.

– Китайцы, – уверенно буркнул Каюмов. – Эта их сволочная компания «Аквасорс» всеми неправдами пытается целиком купить Байкал или в крайнем случае получить озеро в аренду лет на сто, утверждая, что только они способны создать из озера жемчужину туризма и отдыха,

а так как им пока не получается окончательно купить территорию, «Аквасорс» использует все местные олигархические структуры. Последнее расследование Леонтьева – тайное строительство тринадцатой водооткачивающей станции в посёлке Култук. Там и без того таких предприятий двенадцать, но последнее строилось на средства миллиардера Юсупова, владеющего Байкальскими водно-транспортными компаниями. Они даже пытались построить водопровод в Слюдянском районе к китайской границе. Но прямых данных у нас нет.

– Но ведь все стройки на Байкале были запрещены и остановлены постановлением министра водных ресурсов, – заметил Михайлов.

– Как видите, на распоряжения правительства этим людям наплевать, потому что за ними стоят другие персоны, повлиятельнее, лоббирующие связи с Китаем, и вот их и надо брать за жабры в первую очередь.

– Нужны точные сведения о связях местной шушеры с китайцами, – сказал Дмитрий Владимирович. – Нужен крот в этой системе. Судя по всему, на «Аквасорс» работает и кто-то из федералов.

– Бабынина я знаю, – покачал головой Королёв, имея в виду директора иркутского филиала ФСБ. – Преданный делу человек, беззаветно служит отечеству верой и правдой.

– Это не значит, что в его конторе не служит засланный «казачок». А у нас в его епархии никого.

– Согласен, нужно послать хорошего опера в Иркутск, – проговорил Каюмов. – Чтобы он размотал цепочку от китайской «Дашуй» и до самого верха. Журналиста убили не для того, чтобы напугать народ. Он что-то узнал, чего не знаем мы.

– наших знают все, кого мы пошлём?

– Толю Терещенко.

– Он и так загружен до предела.

– Погодите. – Михайлов крепко потёр лоб ладонью. – Кажется, есть одна кандидатура. Взгляды руководителей Комитета повернулись к нему.

– Джокер, – сказал Михайлов, усмешкой ответив на выражение недоумения на лицах.

– Джокер? – поднял белёсые брови Каюмов. – Ты имеешь в виду...

– Капитана Ровного, – закончил Михайлов. – Псевдо Джокер заработано им на фронте.

– Но он там, воюет.

– Отвоевался. В одной из операций был ранен в голову, но выжил, и его комиссовали.

Теперь капитан живёт у родителей в Перми, ищет работу.

– Но ведь он наш человек, в смысле, работал в Пермском СК, почему не возвращается? Или уже растерял кондиции?

– Он был прекрасным следяком, да в общем таким и остался. Хладнокровен, умён, не запачкан ни в одном скандале, ни грана корысти. Что касается физической формы, то он был одним из лучших учеников школы адекватного ответа, мастер по выживанию. Про таких говорят – в рубашке родился. Даже взрыв бомбы, из-за которого он и убыл с фронта, не превратил его в инвалида. Кстати, по последним данным, за два года СВО получил несколько орденов и медалей.

– Откуда сведения? – спросил Каюмов.

– В пермском комиссариате работает мой приятель, он и сообщил о возвращении капитана Ровного.

– Интересная фамилия.

Михайлов улыбнулся.

– По сути это его характеристика.

– Что ж, давайте попробуем, – сказал Королёв. – Я плохо знаю капитана, поэтому тебе, Дмитрий Владимирович, и карты в руки. Поезжай в Пермь, посмотри, в какой форме человек и согласится ли он поработать Джокером в другом виде деятельности.

- Этот вид ему знаком. Думаю, он согласится.
- Начинайте разработку «Дашуй» и «Аквасорс» вместе с Николаем Платоновичем. Надо кончать с этими китайскими монстрами.
- Слушаюсь! – ответил Михайлов.

Глава 5

Три дня он терпеливо ходил по утрам в поликлинику, сдавал анализы, проходил лечебные процедуры от прогревания до магнитосканирования, отвечал на вопросы врачей и ждал решения комиссии, готовившей заключение. Конечно, надеялся, что его отпустят обратно на фронт, но чуда не произошло. Комиссия отказала, написав многостраничное объяснение сплошь медицинской терминологии, которое сводилось к одной фразе: к воинской службе не годен.

Всё это время он пытался разобраться в причинах своего удивительного состояния – возвращаться в недавнее прошлое при возникновении стрессовой ситуации, и в конце концов пришёл к однозначному выводу: причина могла быть только одна – попадание в затылок осколка бомбы, возбудившего в мозгу способность прыгать «из себя в себя», что и ощущалось как прыжок во времени. А советоваться с медиками не хотелось, потому что его вполне могли запрятать в психоинструментальный диспансер для изучения феномена хронодайвинга, как он назвал способность перемещаться «назад», и тогда – прощай, свобода и мечты о будущем. Возможность вернуться на службу в Следственный комитет у него оставалась, но душа почему-то к этому образу жизни не тянулась, отчего он начал обзванивать друзей и бывший коллег с просьбой трудоустройства.

Всё изменилось вечером четырнадцатого апреля, когда ему внезапно позвонил полковник Михайлов, бывший начальник операционной подготовки пермского Следкома, впоследствии перешедший в иркутский. С Михайловым в последний раз он встречался два года назад.

– Дмитрий Владимирович? – удивился Пахом, бродивший в данный момент по сайтам компаний, ищущих работников в сфере туризма и спорта. Появилась мысль уйти в эту область человеческих интересов, тем более что туризм привлекал возможностью посетить красивейшие места России.

Удивился же капитан звонку по той простой причине, что Михайлов позвонил по обычному айфону, который Пахом не использовал уже два года, после того как ушёл на СВО. Включил же он мобилу только после возвращения из госпиталя и, естественно, не ждал звонков от бывших коллег.

– Привет, Ровный, – прозвучал в мембране айфона характерный басок полковника. – Узнаёшь?

– Просто не ждал...

– Понятно. Фронтовые выплаты?

– Что?! – не сразу врубился капитан. – Какие... а-а... выплаты, всё в порядке.

– Машину купишь?

– На хорошую машину не хватит, да и не думал пока, на что потратить.

– Не женился?

– Нет... пока.

– Это хорошо.

Пахом поиграл пальцем по губам, не зная, как реагировать на необычные вопросы начальника отдела подготовки.

– Вы спрашиваете, будто анкету заполняете.

– Почти угадал. Есть необходимость встретиться и поговорить о твоём будущем. Ты ведь ещё не решил, где устроиться?

Пахом подумал о своей идее уйти в турбизнес.

– Ещё не решил. Встретиться можно, немного отдохну и подскочу в Иркутск.

– Никуда ехать не надо, я в Перми.

В голове выросло облачко вопросиков и тающих эмоций: что за надобность, почему такая спешка, откуда Михайлов знает о том, что его бывший подчинённый не на фронте, как он оказался в родном городе? Но ответ был один:

– Могу утром подъехать куда скажете.

– Я тут неподалёку, заскочил по случаю к родственникам, так что могу подойти прямо сейчас.

Пахом понял, что Михайлов заранее подготовился к встрече и знает не только адрес визави, но и то, что бывший следак СК находится дома.

– Хорошо, жду.

Посидев в задумчивости несколько секунд, он предупредил родителей, что к нему будет гость, и немного прибрался в комнате, в которой прожил всё своё детство. Когда бы он ни возвращался, комната всегда была готова принять его.

Михайлов – глыба живого камня, каким он не только казался, но был в жизни при всех обстоятельствах: надень на него кольчугу или латы – и перед вами вылитый былинный Илья Муромец – позвонил в дверь ровно через десять минут.

Пахом открыл дверь, посторонился.

Дмитрий Владимирович шагнул вперёд, и одно мгновение казалось, что он застрянет, но прошёл. Подал руку, пробасил:

– Добрый вечер.

Пахом сам был далеко не хил, имея приличный рост под метр восемьдесят сантиметров, широкие плечи и наработанные мышцы, но его рука почти целиком утонула в ладони полковника. На всякий случай капитан напряг мускулы, но сдавить руку гостя в полной мере не смог. Зато автоматически наметил точки ударов в голову и шею, как если бы Михайлов был спарринг-партнёром и они собирались побоксовать. Мысль рассердила глубинный контур психики: какие ещё драки, чёрт возьми?! Это твой наставник!

По-видимому, Михайлов понял переживания бывшего ученика, потому что его каменные губы изломала лёгкая улыбка.

– Можно войти?

– А, да... – спохватился Пахом, отступая.

Дмитрий Владимирович шагнул в крохотную прихожую, снял обувь и курточку, оставаясь в серебристом баднике с прямым воротником, закрывающим шею. Пахом не заметил ни часов на запястье, ни клипсы рации, ни какой-либо гарнитуры, но не сомневался, что полковник секретного оперативного подразделения Следкома имеет всё, что необходимо для связи с подчинёнными и защиты на случай нападения. Впрочем, с такой фигурой защита ему была не особенно необходима.

В прихожей возник отец Пахома. Он был моложе Михайлова на четыре года, однако выглядел старше и при взгляде на гостя вскинул брови. Такого крупногабаритного товарища он ещё не встречал.

– Кузьма Игнатович, – подал руку старший Ровный. – Проходите на кухню, кофе сварил.

– На ночь предпочитаю только чай, – сказал Михайлов. – Зелёный и без сахара.

Отец посмотрел на сына, и Пахом сказал:

– Папа, принеси нам чай в мою комнату. Мне тоже зелёный и тоже без сахара.

Ещё далеко не старик Кузьма Игнатович скрылся на кухне, унося в глазах нечто вроде детского восхищения.

Гость и хозяин устроились в спальне Пахома: Михайлов на стуле, Пахом сел на кровать. Гость бросил взгляд на простенький интерьер спальни, состоящий из кровати, стола с монитором компьютера, настенных книжных полок и небольшого плоского телевизора, висевшего на стене, но своих чувств не выдал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.